

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕДАГОГИКА

УДК 94:39(571.121=112.2)084.8

А. П. Ялков,
А. А. Лымарь

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам молодежной политики в современной России, прежде всего проблемам воспитания и образования, а также причинам, с которыми связан рост радикальных настроений в обществе. Внимание уделяется прежде всего стремительно возрастающему влиянию всемирной глобальной сети Интернет. В силу своей открытости, анонимности и трансграничности она способствует быстрому распространению, закреплению и мифологизации разных, в том числе маргинальных идей. Противостоять такой ситуации может само интернет-сообщество. Авторы предлагают силами молодых ученых создать независимую структуру для работы в интернет-пространстве, которая сможет канализировать радикальные настроения в диалоговое поле и тем самым снизить уровень их влияния и распространения в обществе.

Ключевые слова: молодежная политика, Интернет, миф, радикализм.

Abstract. The paper is devoted to the issue of the Youth Policy in modern Russia, in the sphere of education and upbringing in particular, as well as the reasons for increasing the radical attitudes in society. The special attention is given to the growing influence of the global network - the Internet. Being anonymous and boarder transitioning, it facilitates the fast spreading, mythologizing and consolidation of different ideas including the marginal ones. Therefore, only the Internet community itself can counteract such a phenomenon. The authors suggest that the young scientists should create the independent resource in the Internet for channeling the radical mood into the positive dialog field, decreasing thereby the radicalism level, its influence and diffusion in society.

Index terms: youth policy, Internet, myth, radicalism.

Возникшие в декабре 2010 г. волнения в молодежной среде, как и усиление радикальных настроений в целом, имеют серьезные причины. С одной стороны, они связаны с последствиями экономического кризиса, социальной нестабильностью в национальных республиках России, ростом мигрантофобских настроений в «русских» регионах, расслоением общества на богатых, бедных и маргиналов (при отсутствии стабилизирующего

и мощного среднего класса). С другой стороны, их источником являются серьезные упущения в воспитании и образовании, невнимание к новой реальности – поколению «Y», вступившему в период взросления (18–25 лет). С одной стороны, это урбанизированное и информатизированное поколение характеризуется тем, что

- имеет иную систему нравственных ценностей, не связанных с родной культурой, но фрагментарно представляющих систему морально-правовых координат мирового сообщества. Авторитет власти, старших членов семьи или служителей религий для представителей этого поколения минимален, а то и ничтожен;

- не читает книг, с детства приучено к «клиповому», а не критическому (аналитическому) мышлению, в том числе с «помощью» Интернет, телевидения, дайджестов, экзаменационных тестов;

- воспитано в неприятии физического труда как средства заработка, но ориентировано на получение дивидендов «любой ценой»;

- осуществляет выбор профессии, как правило, неосознанно, чему способствует система образования в стране и регионе, зачастую представляющая набор «зазывных» специальностей, не обеспеченных профессиональными преподавательскими кадрами. В результате, по мнению министра образования и науки РФ А. Фурсенко, лишь 20% студентов идут в вуз не затем, чтобы «потусоваться», но и они разочаровываются в перспективах реализации своего потенциала;

- инертно относится к идеям гражданского общества.

С другой стороны, многие из тех, кто работает с этой группой молодежи, стремятся внедрить какую-либо единственную общую идею как «спасительную», способны отражать лишь позицию непосредственного начальства и всего лишь строят карьеру чиновника, который слепо подчиняется установкам вышестоящих лиц. В этом отношении показателен пример «Молодой гвардии», которая имеет привлекательность только для будущих чиновников, воспринимающих госслужбу как бизнес.

Нереализованные желания и отсутствие возможностей самореализации выплескиваются у молодых людей в радикальные высказывания, приводят к возникновению фанатских и экстремистских движений, подчас объединенных националистическими, псевдорелигиозными и нацистскими идеями. И нередко «рупором» этих идей является Интернет, популярность которого неуклонно растет. В 2010 г. в РФ им пользовались, по сведениям заместителя исполнительного директора Регионального общественного цен-

тра интернет-технологий (РОЦИТ) С. Гребенникова, 46,5 млн чел., т. е. около трети населения нашей страны. По данным фонда «Общественное мнение», во втором квартале 2011 г. это число составило уже 55 млн чел. [3]. Таким образом, за полгода численность интернет-аудитории в России увеличилась почти на 10 млн, или более чем на 7%. Согласно результатам последнего исследования, лидерами максимального прироста интернет-пользователей являются Тюменская, Иркутская и Нижегородская области. Ситуация в регионах варьируется, но в целом тенденция к повышению доли интернет-пользователей просматривается отчетливо.

Следует признать, что идеологическому воздействию интернет-материалов способствуют его открытость, анонимность и трансграничность. Конечно, правоохранительные органы периодически закрывают площадки, используемые для распространения запрещенного на территории РФ контента. Однако такая борьба в целом тщетна – место одного закрытого ресурса занимают десять других той же направленности.

Особого внимания заслуживает процесс мифотворчества в сети Интернет. Миф в данном случае следует понимать достаточно широко – как специфическую форму внерационального знания. По данным Фонда «Общественное мнение», если среди взрослого населения степень доверия к интернет-информации уступает только доверию телевидению, то в молодежной среде всемирная электронная сеть не знает соперников [4]. Поэтому именно эта возрастная группа чаще всего выступает транслятором мифологического знания. Помимо новостных интернет-агентств (авторитетность которых разнится весьма сильно), роль средств массовой информации выполняет и блогосфера, которая методом «copy/paste» может распространить определенную новость, в том числе с достаточно высокой эффективностью сформировать миф. Здесь работает механизм закрепления знания путем его повторения. В рамках научной логики сила аргумента не зависит от частоты его воспроизведения, но в общественном сознании все происходит несколько иначе. Находя один и тот же «факт» на различных ресурсах, пользователь убеждается в его объективности. Ведь самый простой способ проверить истинность информации – посмотреть другие источники. Однако в Интернет, где любой может быть автором, а метод «copy/paste» сводит на нет всяческие усилия по распространению понравившихся новостей, рядовому пользователю проще найти в поисковых системах первые страницы результатов, чем углубляться в поиск. И это относится даже к тем людям, кто не принимает сообщение на веру сразу.

То же касается распространения новостей посредством социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook и т. д.).

Образцом искажения информации может служить не так давно распространившееся в блогосфере детское стихотворение «Цирк» (оно же политическая сатира, в зависимости от восприятия). Это стихотворение было написано М. Юдовским в 2009 г. [6], однако практически во всех блогах его авторство приписывалось Агнии Барто и датировалось 1957 г. Несмотря на то, что ни в одном интернет-сборнике стихов А. Барто такого стихотворения нет, благодаря его тиражированию в популярных блогах советская поэтесса названа его автором на первых страницах практически любой поисковой системы. А ресурс «стихи.ru», на котором размещен оригинал Юдовского, оказался затерянным. С целью исправления этой литературной мистификации на нее было указано на странице Агнии Барто в свободной энциклопедии «Википедия».

К слову, популярность данной интернет-энциклопедии в сети весьма и весьма велика в сравнении с остальными ресурсами. Более того, она невероятно востребована именно в студенческой среде, где рейтинг ее цитируемости, в частности на семинарских занятиях, порой очень высок. Она буквально становится «священным ресурсом». К тому же информация из нее часто копируется в качестве справки и на других ресурсах, в том числе новостных. Таким образом, потенциально «Википедия» является мощным оружием не только демифологизации, но и формирования мифа.

Еще одной популярной интернет-площадкой служат форумы, в том числе по сути превращающиеся в них комментарии к новостям на различных ресурсах. Как правило, бурные дискуссии возникают не на новостных порталах информационных агентств, предоставляющих возможность комментирования, а на форумах и порталах довольно узкой тематики, и тема этих дискуссий никак не связана или связана лишь косвенно с обсуждаемым событием. На таких площадках чаще всего транслируется уже сформированная мифология. Общение на них не является диалогическим, задачи акторов скорее сводятся к тому, чтобы высказать свое мнение и найти поддержку для его закрепления.

Трансграничность и анонимность как характерные качества сети осложняют выявление лиц, разместивших определенную информацию. Еще больше трудностей вызывает прекращение оборота такого контента, и зачастую по политическим причинам представители компаний, которых напрямую касается инициирование и координация преступных дей-

ствий через Интернет, не считают себя причастными к вопросам экстремизма. Так, представители социальных сетей не раз заявляли, что не могут вводить на ресурсе цензуру и ограничивать переписку пользователей.

Само понятие «миф» достаточно популярно в интернет-среде и чаще всего означает синоним выдумки, обмана, лжи – иначе говоря, используется в бытовом смысле этого слова. Обычно оно применяется как ярлык, навешивающийся на неудобную точку зрения и тем самым придающий ее критике некоторый ореол обоснованности. Например, ряд мифов формируется непосредственно вокруг так называемой «борьбы с мифами» или «демифологизации». Опровергая (иногда условно, т. е. высказывая только собственное мнение) отдельные факты, авторы формируют целую концепцию, которая призвана показать «реальную картину мира». Аргументация, как и положено в мифе, обычно отличается не академической строгостью, а яркоокрашенными эмоциональными шаблонами или различными риторическими приемами.

Традиционно вызывают самые острые дискуссии и создают широкое поле для мифотворчества политические темы, национальные и конфессиональные вопросы, и именно в рамках таких обсуждений не всегда очевидна грань, за которой начинается экстремизм.

Ярким примером мифотворчества является публицистическая статья председателя Лезгинской национально-культурной автономии Тюменской области В. Керимова «Не торопитесь нас хоронить!», появившаяся в Интернет в августе 2011 г. [2]. Изначально опубликованная на портале информационного агентства «REGNUM», она достаточно быстро была удалена, но успела распространиться в сети, и теперь добиться ее полного искоренения – задача практически невыполнимая. Это означает, что старые методы контроля информации в нынешних условиях теряют свою эффективность и им на смену должны прийти новые.

Статья В. Керимова, написанная в остро-полемическом стиле, с использованием ряда риторических фигур, носит выраженный конфликтный характер и содержит неоднократные оскорбления по национальному признаку. Миф героя (лезгинского народа) плавно перетекает в миф о последнем и решительном бое: «Думаете, отбирая язык, культуру, историю у лезгин и у удин, вы воплотите ваши пантюркистские идеалы? Мы все равно все вернем обратно, на свои места! Америка ищет борцов за свободу, не слышали? Прошли времена истребления индейцев. Если у вас до этого не получилось, значит, опоздали. Теперь наш черед» [2].

Помимо прочих приемов, с помощью которых демонизируется враг (в данном случае азербайджанцы), автор осуществляет наложение негативных коннотаций – применяет новое наименование: «далее я буду использовать термин “турок” – ибо они сами себя такими признали» [2]. Ясно, что речь идет об азербайджанцах, и данное понятие сохраняет свои коннотации, к которым добавляются коннотации слова «турки».

Весьма любопытно также обращение автора к феномену конструирования идентичностей, особенно в национальном и конфессиональном дискурсах: с невероятной легкостью разные народы становятся то чуть ли не братскими, то – наоборот. Так, игнорируя Хантингтоновскую позицию о том, что цивилизацию формируют язык и религия при доминирующей роли последней, В. Керимов отбрасывает религию, а родственность с армянским народом выводит из ряда похожих слов (хотя о серьезном сравнительном лингвистическом анализе речи, конечно, не идет). «Предстоит установлению, почему армяне зовут Карабах Арцах, а лезгины г. Ахты – Ахцах и почему больше тысячи слов, означающих имена предметов древнего быта, у нас и у армян одинаковые, и такие моменты приблизят снова наши народы. А религией, очень прошу вас, перестаньте спекулировать. Ваш лозунг “или Ислам, или Язык” себя исторически полностью исчерпал» [2].

Примечательно еще и то, что, открещиваясь в начале статьи от научного и профессионального сообщества – «я не журналист и не историк, поэтому постараюсь опираться на логику фактов» [2], автор тем самым как бы снимает с себя ответственность за любые последующие высказывания и призывы. Интернет в России позиционируется как принципиально нецензурируемая площадка, а на фоне гораздо более свободного, нежели в Европе, распространения в сети контента, нарушающего авторские права, не возникает и мысли о возможной ответственности за публикацию статьи.

За рядом оскорблений, лозунгов и призывов теряются те зерна, которые можно было бы отнести к конструктивным предложениям и вопросам для обсуждения. Возможность рационального диалога утрачена в самом зародыше и не может быть возвращена к жизни в рамках выстроенной концепции.

Между тем подобные явления не возникают на пустом месте, и за каждым из них стоит одна или несколько реально существующих в обществе проблем. Однако вместо их разрешения подобные материалы спо-

собствуют лишь их усугублению, поскольку фактически уничтожают почву для диалога. Более того, они способны провоцировать новые конфликты на тех территориях, где объективных предпосылок к ним нет, лишь в силу феномена идентичности. По утверждению Ш. Муффа, «любая форма отношений “мы” и “они”, будь то религиозные, этнические, экономические и другие, всегда может стать локусом антагонизма» [7]. Данная тенденция опасна для мультикультурного общества, каковым сейчас становится весь мир и каковым, безусловно, уже стала Россия.

Поэтому в существующих условиях лучше канализировать негативные процессы, в том числе недовольство, в диалоговое поле, чем каждый раз использовать органы власти как «пожарных». Для этого наряду с другими формами влияния, на наш взгляд, необходимо активно задействовать все то же интернет-пространство: создать *независимую* интернет-площадку, где устами *независимых* молодых ученых (политологов, социологов, религиоведов, культурологов) под руководством их педагогов, ответственных и озабоченных проблемой радикализации (профессорско-преподавательская среда автономна от власти, религиозных конфессий и бизнес-элиты) вести постоянный *диалог*.

Диалог как средство решения политических вопросов связан с временами греческих полисов, именно он являлся основным способом достижения общего блага – главной цели города-государства. Полис, как каждое общество, состоял из людей, которым диалог необходим, чтобы оставаться людьми. Взаимопонимание членов общества – ключевой момент любого их взаимодействия.

Предлагаемое нами диалоговое интернет-общение может быть острым, не всегда приятным для власти, неоднозначным по языку, но оно находится в том поле, которое посещается практически всеми молодыми людьми. И это поле может стать почвой для рационального (конструктивного) диалога, но не в том смысле, в котором он обычно понимается современной российской властью. Диалог должен быть таким, каким его видит Ю. Хабермас, говоря о делиберативной демократии, демократически просвященном здравом смысле и своей теории коммуникативного действия [5]. Целью его (диалога) является направленность акторов на взаимопонимание, достижение консенсуса, преодоление разногласий посредством общения.

Общение, как показывают события последних месяцев, способно быстро объединить молодежь для протестных акций, но оно же способно

снять напряжение, переведя разговор на обсуждение других интересующих молодых людей тем. Этот опыт может на практике показать, насколько применима модель Ю. Хабермаса и насколько обоснована ее критика «новыми левыми» шмиттовского толка, например Ш. Муфф, в конкретной ситуации.

В конечном счете речь идет о возможностях и применимости в новых информационных условиях России одной из двух парадигм – либо делиберативной, основывающейся на достижении рационального согласия в политике путем свободной дискуссии и соответственно устранении из нее антагонизмов; либо агонистической, которая полагает такое устранение принципиально невозможным.

Этот концептуальный спор напрямую влияет и на роль мифотворчества в коммуникационном пространстве, в частности сети Интернет. Оно может восприниматься двояко: либо как скорее отрицательное явление, и тогда есть смысл говорить о рационализации, устранении религиозно-мифологических картин мира; либо как необходимая составная часть борьбы дискурсов, и в этом случае сам феномен мифа воспринимается нейтрально, а речь идет о его наполнении. Мифолог, согласно Р. Барту, «постоянно рискует уничтожить реальность, которую сам же намеревался защитить» [1]. Понимая это, мы можем сегодня выбрать один из двух существующих одинаково односторонних методов: или постулировать возможность рационального диалога и осуществлять демифологизацию, или же, наоборот, признать его принципиальную невозможность и продолжать заниматься мифологизацией.

Генеральный секретарь Организации договора о коллективной безопасности Н. Бардюжа признал Интернет грозным мировым оружием, и это актуально также и для ситуации внутри отдельной страны. Запретить ношение и использование оружия в рамках современного развитого государства, отличного от Северной Кореи или, скажем, Сомали, практически невозможно, равно как невозможно запретить пользоваться электронными ресурсами. А значит, работать в этом направлении нужно иначе. Поскольку газеты, сборники научных материалов, брошюры, публичные лекции и прочее молодежью не востребованы, а публичные дискуссии она предпочитает вести заочно – в Интернет, туда и нужно идти, а инициативные группы молодых и зрелых ученых, готовых к взаимодействию, у нас имеются.

Литература

1. Барт Р. Мифологии. М.: Акад. проект, 2010. С. 322.
2. Керимов В. «Не торопитесь нас хоронить»: лезгинский взгляд на армяно-азербайджанскую полемику // ИА «REGNUM». URL: <http://www.regnum.ru/news/fd-abroad/azeri/1436873.html>.
3. Лебедев П. Сетевая карта // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/blogs/10119>.
4. Мужчины доверяют новостям в Интернете больше, чем женщины // Rumetrika. URL: <http://rumetrika.rambler.ru/review/4/4598>.
5. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. М.: Наука, 2006. 384 с.
6. Юдовский М. Цирк // «Стихи.ру» – Национальный сервер современной поэзии. URL: <http://www.stihi.ru/2009/08/29/473>.
7. Mouffe C. Agonistic Public Spaces: Democratic Politics and the Dynamics of Passions // 2d Moscow Biennale of contemporary art. URL: http://2nd.moscowbiennale.ru/en/mouffe_report_en/.